

АЛЕКСЕЙ АБРАМЫЧЕВ

“ТЫ ПРОСНЁШЬСЯ ЛЬ, ИСПОЛНЕННЫЙ СИЛ...”

...Чтобы идти вперёд, чаще оглядывайтесь назад, ибо иначе вы забудете, откуда вы вышли и куда вам нужно идти.

Народная мудрость

С годами всё чаще обращаешься к прошлому. В нём с возрастом начинаешь видеть то, на что раньше не обращал внимания. Многие из прошедшего актуально сегодня. В этой связи появляется искушение – позитивным опытом прошлого попытаться исправить негатив в настоящем.

В конце 2011 года мною для журнала Российской академии наук “Национальная безопасность” (далее “НБ”) был подготовлен материал, касающийся оборонного строительства России. В нём, в том числе, были затронуты вопросы, связанные с оценкой роли и значения электроники для развития вооружения и экономики страны. В “НБ” его опубликовали в январе 2012 года под названием “Сильная, эффективная и конкурентоспособная страна – основа безопасности России” (“НБ”, № 1, 2012, с. 4–14).

Как бы в продолжение затронутой мною темы в мае 2012 года на страницах “Аргументов недели” появилась подборка материалов о посещениях С. Б. Ивановым и М. Е. Фрадковым российского поставщика компонентов микроэлектроники предприятия “Ангстрем”. Это предприятие, расположенное в Зеленограде, вместе с заводом “Микрон” и минским “Интегралом” было одним из крупнейших в СССР производителей микросхем, необходимых как для отечественных ракет, самолётов, подводных лодок, так и для народного хозяйства страны в целом.

Сам факт внимания представителей высшего эшелона власти к ведущему предприятию российской электроники лишний раз продемонстрировал важность развития этого направления для экономики страны и должен был бы стать мощным импульсом для создания микросхем, соответствующих миро-

АБРАМЫЧЕВ Алексей Иванович родился в 1930 году в Москве. Окончил Бронетанковую академию им. И. В. Сталина и Высшие командно-инженерные курсы при Киевском высшем артиллерийском инженерном училище им. С. М. Кирова. Участник войны в Корее (1950–1953). Работал в системе Главного ракетно-артиллерийского управления МО СССР и в аппарате начальника вооружения МО СССР. Генерал-майор в отставке. В настоящее время работает в Президиуме РАН. Живёт в Москве.

вому уровню. Под впечатлением увиденного С. Б. Иванов сообщил о готовящейся федеральной целевой программе “Национальная технологическая база” с подпрограммой “Электронная компонентная база”. По его словам, слухи о том, что электронная промышленность России развалилась, не соответствуют действительности: микроэлектроника и современные IT-технологии обеспечивают обороноспособность страны на высочайшем уровне. Они “потянут” за собой развитие целого ряда других отраслей – её потребителей, без которых любое современное государство существовать не может.

Видимо, вдохновлённое доверием высоких гостей, руководство “Ангстрема” организовало показ российским руководителям разрабатываемых на предприятии изделий будущего.

В мае 2012 года “Аргументы недели” (далее “АН”) опубликовали репортаж своего обозревателя, который рассказал читателям подробности организации демонстрации “новейшей” продукции.

По словам обозревателя “АН”, к визиту С. Б. Иванова в помещение пустующего цеха специально поставили (через каждые 10 м) столы с экспозицией сборки “новейших” российских портативных радиопередатчиков. На самом деле это были китайские передатчики, не имеющие в своём составе абсолютно ничего отечественного. В худшее положение попал М. Е. Фрадков. Ему показали ленту конвейера, по которой плыли китайские жидкокристаллические экраны. Технология, устаревшая на десятилетие! За конвейером стояли даже не настоящие работники, а женщины из бухгалтерии завода. Они “для вида опасливо тыкали пальцами в экраны, в которых ничего не понимали”. Всё было бы ничего, но М. Е. Фрадков, посмотрев на это, публично объявил по ТВ: “Вот это – технологии будущего!”.

Похожий трагифарс был описан Владимиром Маяковским в пьесе “Баня”, с её героем Велосипедкиным, сконструировавшим “машину времени”, способную переносить её героев “из прошедшего в настоящее”, и Ильей Ильфом и Евгением Петровым в романе “Золотой телёнок” – с великим комбинатором Остапом Бендером, организовавшим контору “Рога и копыта” для мошеннических операций.

Данную публикацию можно было бы оставить без внимания. Но... гости предприятия были высокопоставленные чиновники: Сергей Борисович Иванов – заместитель директора ФСБ (1998), заместитель председателя Правительства РФ (2007–2011), министр обороны, с декабря 2011 года – руководитель администрации Президента РФ; Михаил Ефимович Фрадков – председатель Правительства РФ (2004–2007), директор Службы внешней разведки (с 2007-го).

Для сравнения: когда во главе Министерства обороны стоял Дмитрий Фёдорович Устинов (1976–1984), многим из моих коллег приходилось присутствовать на руководимых им мероприятиях. Лично мне – принимать участие в период 1979–1984 годов в совещаниях и учениях, быть в составе возглавляемой им делегации в Индии, участвовать в организации показов советского вооружения и военной техники министрам национальной обороны стран Варшавского договора (далее СВД) в Подмоскowie и командующим флотами СВД в Севастополе. Представить себе, чтобы Дмитрию Фёдоровичу под видом отечественных изделий предъявили бы чужую продукцию, невозможно. И не только потому, что его уважали. Всякие попытки возможных подтасовок или завышения характеристик комплексов вооружения были бы пресечены на месте, а виновники привлечены к ответственности. Об одном из таких случаев расскажу в конце этих записок.

Но вернёмся к “Ангстрему”. Имитация микроэлектронного производства в Зеленограде – показательный пример. Он свидетельствует не только о деградации российского флагмана электроники и моральном облике его обнаглевших руководителей (и им подобных), опустившихся до прямого обмана государства, но и характеризует представителей заказчика этих работ, а также профессиональный уровень контрольных органов, которые должны были обеспечивать это мероприятие. Вороватая некомпетентность новых “хозяев жизни” – сила одушевлённая и агрессивная. Они готовы на всё. Главная задача – выбить финансирование. Всё остальное для них не имеет значения.

Кто даст гарантию, что подобные “показы новейшей продукции” не вошли в практику и на других предприятиях России, живущих по принципу: “Зачем работать, когда проще за государственные деньги купить старьё и “сэконо-

мать” на этом”. Где были военпреды? Чем занимается Служба экономической безопасности? Вопросы риторические.

Председатель Совета Министров СССР (1985–1990), член Совета Федерации РФ Николай Рыжков (с 2003), сравнивая сегодняшнюю ситуацию в стране с ситуацией конца 1980-х годов, закончившуюся развалом Советского Союза, в статье, опубликованной в журнале “Наш современник” (№ 11, 2012), обратился к руководству страны с предупреждением об “утрате российской властью доверия”. Грозное предупреждение. Запас прочности, накопленный в СССР, – исчерпан.

“Устойчивость любой системы (а государство это, прежде всего, система), – пишет Н. И. Рыжков, – зависит от её внутренней силы, от способности противостоять вызовам. Источником внутренней силы государства является наличие общей цели, её осознание и принятие всеми слоями общества. Люди (“простые люди”, – как высокомерно называют их новые “хозяева жизни”. – Авт.)... Их вера в будущее, вера в справедливость и праведность общей цели, вера в руководство страны – главное условие устойчивости и эффективности управляемой системы, устойчивости государства”.

Казалось бы, общая цель, способная сплотить все силы российского общества, поставлена в 2009 году – это модернизация экономики страны.

Очевидно, что в предстоящие годы её реализация будет зависеть не столько от внешних факторов, сколько от внутренней экономической и кадровой политики, проводниками которой являются вновь назначенные руководители отраслей экономики страны и директора предприятий.

Пришедшие “новички”... Многие из них, назначенные в силу личных связей на самые ответственные посты, не несут ответственности за результаты своей деятельности. Принимаемые ими решения, в основном, касаются распределения выделяемых объёмов финансирования (в лучшем случае). И их “распила” – в худшем. Конечный итог работы, как показывают многочисленные примеры, – примитивная бюрократическая имитация, прикрываемая многочисленными постановлениями, выступлениями и программами, которые не выполняются.

Словно оправдывая возникшие “трудности” с исполнением постановления Правительства по электронике, заместитель председателя Комиссии по модернизации В. Ю. Сурков в газете “Ведомости” (15.02.2010) писал: “Нельзя чужие рецепты механически переносить на нашу почву. Когда мы этой проблемой занялись, то обнаружили, что не хватает главного элемента. Всё вроде бы, как у людей. Слов много правильных иностранных: ... венчур, трансфер, инкубатор... и т. д. Однако одного русского слова нет: спрос. Кому выгодно? Кому надо? Во всём мире спрос определяет государство и крупные корпорации. Если им надо – то есть на кого работать... Начинать надо с создания спроса, с заказа. Ни для кого новая технология не является аргументом в конкурентной борьбе или единственной возможностью выжить на рынке. Компании доминируют сырьевые, а люди, которые стали богатыми и сверхбогатыми, сделали состояние не на новых идеях и технологиях, как Гейтс, Эдисон, а на разделе совместно нажитого советским народом имущества. Они не являются заказчиками, не рискуют ради создания новых технологий. Нет покупателя, который скажет: “Я беру”. Изобретение не к кому нести. А государство не может выступать универсальным заказчиком”.

17 октября 2012 года в Зеленограде на заседании Совета при Президенте РФ по науке, технологиям и образованию выступил В. В. Путин. Президент подчеркнул, что в России НИОКР и наука в целом по-прежнему поддерживаются, главным образом, за счёт государственного бюджета. В то время как в большинстве государств первую скрипку в финансировании исследований играет негосударственный сектор. “Полагаю, что в этой ситуации, – подчеркнул Президент РФ, – мы должны создать все политические, экономические, административные условия, чтобы такой громадный инновационный, инвестиционный потенциал... конвертировался в технологическое обновление отечественной промышленности”.

Казалось бы, все говорят правильно. Но г-н Сурков, имея в виду отечественных олигархов, – российскую “пятую колонну”, для которой интересы нашего Отечества стали чуждыми и вступили в конфликт с национальными интересами страны, – утверждает: “Нет покупателя, который скажет: “Я беру””.

Но! В России осталась патриотическая элита – периферия финансовой системы страны, и есть государство, которые могут, при желании Правительства, совместно выступить заказчиками конкретных технологий.

Не дожидаясь, пока “негосударственный сектор” (а проще – российские олигархи), о котором говорил Путин в Зеленограде, начнёт конвертироваться “в технологическое обновление отечественной промышленности”, губернатор Нижегородской области Валерий Шанцев (прошедший инженерную школу в Москве на радиозаводе “Салют”, позже – в Мосгоркоме КПСС) решил рискнуть. Он организовал использование технологий, разработанных учёными Нижнего Новгорода в области создания мощных лазеров и суперкомпьютеров, в промышленности своего региона. В 2012 году привлечение к работе высококвалифицированных инженерных кадров и организованный контроль исполнения работ дали результат: объём инновационной продукции области составил 210 миллиардов. Имея в виду, что в Нижегородском регионе самый высокий процент предприятий (среди российских регионов), инвестирующих средства в разработку и исследования, к 2016 году они могут составить 500 млрд рублей.

“Нам не нужно играть в “догонялки”, – утверждает губернатор, – мы должны идти на опережение. Создавать то, чего ни у кого ещё нет. Чтобы активизировать научную деятельность, область создаёт необходимые условия. Только по итогам 2012 года в рамках программы развития промышленности 212 инновационных проектов получили помощь от государства, в том числе из областного бюджета” (“АН”, 21.03.2013).

По знаменитой формуле Нобелевского лауреата академика Ж. И. Алфёрова, “один микропроцессор по вкладу в экономику равен цистерне нефти”! “Без отечественной электроники наша оборонка – как черепаха без панциря”, – поддерживают известного на весь мир учёного военные эксперты.

В XXI веке государства, по факту, не могут оставаться великими без собственной электроники, – утверждает председатель Военно-промышленной комиссии Д. О. Рогозин. – Она востребована как гражданским, так и оборонным секторами народного хозяйства.

В гражданском секторе это компьютеры, телевизоры, связь, системы управления, телеаппаратура для автомобильного транспорта, бортовая аппаратура гражданской авиации, отечественного флота и т. д. В оборонке – бортовая аппаратура ракет, беспилотных аппаратов, самолётов радиолокационного обзора и наведения (РЛДН), автоматизированных систем управления (АСУ), радиоэлектронной борьбы (РЭБ), систем связи – это далеко не полный перечень потребителей.

Известно: спрос на продукцию нового уклада в России может сформировать только развитая промышленность. Электроника – как раз то звено (“точка роста”!), взявшись за которое можно вытянуть всю цепь. При этом решающее значение имеет то, что компонентная база электроники востребована внутренним российским рынком и, что немаловажно, рынком ряда стран СНГ. Все страны, успешно выходявшие на мировые рынки, начинали с внутреннего. Экономисты утверждают: лучше всего защитить экономику страны в случае кризиса способна отечественная развитая система потребления.

В последнее время российская промышленность вынуждена, разрабатывая новое вооружение, оснащать его аппаратурой на зарубежной элементной базе. Однако новые “чипы” нам не продают. То, что достаётся России, на поколение отстаёт от современной электроники.

Почему выгодно заниматься микропроцессорами?

Ответом на этот вопрос могут служить примеры вложения средств в модернизацию военной техники, оставшейся от вооружений Советского Союза. Оказывается, за счёт замены старой бортовой аппаратуры самолётов на аппаратуру, оснащённую микроэлектроникой нового поколения, при минимальных затратах (10–15% от стоимости нового самолёта) можно усовершенствовать их боевые характеристики. Обидно, но на модернизации зарабатывает не наша страна, а Израиль. Его промышленная политика предусматривает использование для этого российских (приехавших из нашей страны) учёных и конструкторов – уникальных специалистов, создателей советского оборонного комплекса.

Пока в России командуют оставшиеся после “эффективного Сердюкова” руководители, Израиль беззастенчиво вторгается на традиционный советский

рынок, внося решающий вклад в свою авиационную индустрию. Израильские компании организовали разработки по переоснащению “советских/российских” истребителей на новую элементную базу для стран-импортёров третьего мира. По данным “АН”, израильтяне заключили контракты с Румынией, Хорватией, Эфиопией, Замбией, Кампучией – и это только на модернизацию истребителей МиГ-21 (замена старой аппаратуры МиГ-21 на новую аппаратуру не потребует переобучения авиаторов).

Кроме того, Израиль получит многомиллиардные прибыли от модернизации МиГ-29, Су-25 и Су-27. Эти работы позволят повысить точность, многофункциональность, помехозащищённость, быстродействие элементов бортовой аппаратуры и, как результат, боевую эффективность. И... отказаться от покупки аналогичных самолётов в России.

Ещё пример – из практики ВВС США: “вторая жизнь” стратегического бомбардировщика Б-52. За счёт поэтапной модернизации (приспособления к новому оружию, замены авионики – бортовой аппаратуры – на аппаратуру следующего поколения) этот стратегический бомбардировщик стоит на вооружении ВВС США уже почти 60 лет. Его эксплуатация рассчитана до 2030-х годов!

Пример с американским бомбардировщиком Б-52 приводится не случайно. Наша промышленность, разрабатывая “новые” самолёты РЛДН (радиолокационного дозора и наведения), оснащая их элементной базой, купленной на Западе, заведомо закладывает технологическое отставание на десятилетия.

Создавшееся положение с элементной базой продемонстрировал Роскосмос, когда в начале 2012 года по вине электроники на орбите не сработала разгонная ступень станции “Фобос-Грунт”. Отказал, по оценке экспертов Роскосмоса, компьютер: его “начинка” не выдержала радиации.

Ветераны авиационной промышленности приводят в СМИ сведения о доле электронных компонентов иностранного производства: “В бортовой аппаратуре современных российских истребителей она доходит до 90%. По состоянию на 2012 год, в зависимости от вида вооружений, от трети до трёх четвертей электронной “начинки” продукции оборонки приходится собирать из импортных комплектующих”. В то время как в СССР было категорически запрещено использовать импортные электронные компоненты в военной технике – за этим следили военпреды.

Изучение управления опытно-конструкторскими разработками в США показывает, что новые разработки американской техники всякий раз направлены на прорывной результат. В жизненном цикле период эксплуатации созданных средств диктуется в том числе и коммерческой выгодой, а их модернизация проводится, как правило, с учётом требований потенциальных иностранных заказчиков (“НБ” № 1 за 2012, стр. 12, 13). Почему бы не взять на вооружение американский опыт?

Казалось бы, Правительство начало “собирать камни”. Им было принято решение “по развитию электронной компонентной базы и радиоэлектроники на 2008–2015 годы”, входящих в 4-й приоритет модернизации экономики России, объявленной В. В. Путиным. После выхода постановления Правительства РФ от 26.11.2007 года за № 809, о котором говорил С. Б. Иванов, прошло 6 лет (срок, в течение которого был реализован советский атомный проект).

Каков результат? Он, по оценке экспертов “АН”, из-за некомпетентности (или вороватости) чиновников за гранью критики. На вопрос: “Где деньги, которые регулярно выделялись “Ангстрему”?” – отвечать в России не принято. Обладающие чувством юмора ветераны говорят, что на них можно было построить два Зеленограда (“АН”, № 19, 2012).

Можно много и складно говорить о том, как “создать все политические, экономические, административные условия, чтобы такой громадный инновационный и инвестиционный потенциал... конвертировался в технологическое обновление отечественной промышленности”. Иначе будет поздно. Когда будет преодолено неумение конкретных чиновников организовать конкретное исполнение (прошу извинить за тавтологию) принятых конкретных решений?

Если чиновники (любого ранга) не способны организовать работу, а только умеют готовить постановления, которые регулярно, в течение многих лет, не выполняются, то зачем они нужны?

Известная пословица говорит: “Кто хочет сделать дело, тот ищет способ, кто не хочет – ищет причины”. У нас развелось полно руководителей, ищущих причины, любящих эффектно на больших совещаниях “забалтывать” проблемы, и дефицит специалистов, умеющих “делать дело”.

Сравнительный анализ отношения к науке и высоким технологиям в Соединённых Штатах и Российской Федерации убедительно показывает, что в России, в отличие от США, отсутствует продуманная государственная политика по отношению к высоким технологиям. Практические мероприятия, осуществляемые различными органами исполнительной власти, недостаточно согласованы, носят формальный характер, что обесценивает проводимые работы, превращая их зачастую в бесполезные.

Основными рычагами управления критическими технологиями в США являются государственное финансирование и контроль за его исполнением. Ежегодные отчёты американского Президента Конгрессу “О науке и технике” стали традицией.

У нас, чтобы изменить ситуацию, необходимо пересмотреть всю промышленную и научно-техническую политику. Во власти должны доминировать не руководители, выросшие из бухгалтеров, а специалисты, обладающие необходимым опытом и техническими знаниями. Только инженеры совместно с учёными и опытными администраторами могут направить продвижение новых технологий в жизнь. Именно высокие технологии должны стать государственной политикой. Без нее все усилия по модернизации экономики России окажутся нежизнеспособными.

В СССР организационная форма решения сложных государственных задач возникла не на пустом месте. Созданию Специального комитета при Государственном комитете обороны для решения задачи, связанной с использованием атомной энергии (август 1945), предшествовал опыт работы Всевластного комитета по транспорту, полученный в начале 1942 года.

На первый взгляд, между Всевластным и Специальными комитетами нет ничего общего. Но это только на первый взгляд. Всевластный комитет при ГКО СССР обеспечил предельную концентрацию управления в одном центре и действенный контроль со стороны высшего руководства СССР за решением поставленных задач. Его организационная форма была взята на вооружение Сталиным в августе 1945 года при создании Специального комитета, отвечающего за решение атомной проблемы (после американской атомной атаки на японские города Хиросиму и Нагасаки).

Может быть, по примеру Специального комитета создать Комитет по электронике во главе с ответственным лично перед Президентом России, компетентным руководителем (с правами, которые были даны в Спецкомитете И. В. Курчатову)? Подобная структура, “работая днём и ночью, не дожидаясь законов и инструкций” (слова Сталина), решила бы все политические, экономические и административные задачи, связанные с выполнением Постановления Правительства по электронике.

* * *

Обращение к советскому опыту неизбежно по причине импотенции российских либералов, не способных вывести Отечество из глубокого кризиса, в который они его ввергли. Их отношение к СССР и Сталину основано на извращённом толковании многих фактов истории нашей страны и враждебном отношении к ней в целом. Для них вся история России – цепочка катастроф, а советская эпоха – *чёрная дыра*. Навязываемый ими либерализм носит антироссийский характер. Вместо того чтобы изучать историю и учиться на извлечённом из неё опыте, либеральные реформаторы огульно мажут чёрной краской весь советский период. Они забыли, что именно в СССР начала работать первая в мировой истории атомная электростанция, был создан первый реактивный пассажирский лайнер Ту-104, вышел на орбиту первый искусственный спутник Земли, состоялся первый полёт человека в Космос.

Недавно Россия отмечала годовщину победы в Сталинградской битве. Мало кто знает, что победа эта была одержана не только благодаря таланту

советских полководцев. Одна из решающих заслуг принадлежит и советским транспортникам – хорошо организованной транспортной системе страны, которая обеспечила фронт всем необходимым: людьми, вооружением, боеприпасами, едой, обмундированием и т. п.

С одним из них – генерал-лейтенантом Иваном Владимировичем Ковалёвым – я познакомился в сентябре 1968 года. Личность легендарная: в 1941–1944 – начальник Центрального управления военных сообщений РККА (ЦУП ВОСО); 1944–1948 – народный комиссар, затем министр путей сообщения (он сменил на этом посту Л. М. Кагановича); 1948–1950 – представитель Сталина у Мао Цзэдуна (по управлению ж. д. транспортом). Встреча с Иваном Владимировичем произошла в кабинете маршала П. Н. Кулешова (начальника ГРАУ), к которому я был вызван для доклада по результатам не обычной для того времени поездки – “в капиталистическую Англию”.

В ходе приватного разговора Иван Владимирович, обратив внимание на мои “планки” с наградами Мао Цзэдуна, поделился своим китайским прошлым, а также опытом, связанном с организацией работы транспорта во время Отечественной войны.

“Война с первых дней потребовала, – говорил генерал, – создания чёткой и эффективной системы управления воинскими перевозками. С запада на восток перемещались тысячи эшелонов с беженцами и оборудованием целых заводов. В обратном направлении осуществлялась доставка войск и вооружения. Тем не менее, в ходе войны ни одна крупная операция (в первую очередь, Сталинградская, Курская) фронтов не была разгадана противником, под носом у которого скрытно перебрасывались войска и вооружение. Однако в самом начале войны положение с перевозками было критическим, почти провальным. Особенно на стыках железнодорожной, речной, морской и автомобильной транспортных систем.

Один фактор особенно нарушал бесперебойность снабжения промышленности, армии и флота – в военно-хозяйственных и других перевозках не было в центре единого органа управления всем транспортом воюющей страны”.

Для справки. У руководителя ЦУП ВОСО, при огромной ответственности за снабжение фронтов людьми, боеприпасами и имуществом, – отсутствовали необходимые права и властные функции. На согласование простейших документов уходила масса времени. Ведомства, выполняя задания Ставки, в ряде случаев действовали автономно. Один случай привёл к скандалу. В 1941 году член Политбюро ЦК народный комиссар путей сообщения Каганович по договорённости с начальником вооружения маршалом Куликом стали формировать эшелоны в обход ЦУП ВОСО. Самоуправство руководителей привело к “потере” грузов в ходе их транспортировки и необходимости идентификации содержания вагонов, что требовало большого времени. Неоднократные обращения Ковалёва к руководству Генштаба положение не исправили. В этих условиях он, минуя начальника Генштаба, обратился в Ставку – к Сталину.

“В докладной записке, – вспоминает Ковалёв, – я написал: “Нужно создать Всевластный транспортный комитет”. При этом напомнил, что и в гражданскую войну весь транспорт, по указанию Ленина, был подчинён одному ведомству”.

Показательно, несмотря на то, что Ковалёв обратился в Ставку “через голову” начальника Генштаба, Сталин откликнулся немедленно.

На следующий день после получения доклада и разговора с его автором – 14 февраля 1942 года – он собрал объединённое заседание Политбюро ЦК и Государственного Комитета Обороны (далее ГКО) с приглашением на заседание всех ответственных за транспорт лиц. Среди них: членов Политбюро А. А. Андреева, А. И. Микояна, Л. П. Берия, Л. М. Кагановича, а также И. В. Ковалёва (ЦУП ВОСО), А. В. Хрулёва (тыл Красной Армии), наркомов З. А. Шашкова (речной флот) и П. П. Ширшова (морской транспорт).

Отвлекусь. Здесь два момента.

Первый: возможно ли нечто подобное у нас, в демократической России, чтобы генерал по вопросу, – не личному, а имеющему государственную важность, – обратился к В. В. Путину через голову своего начальства?

Второй: можно ли представить, чтобы в наших условиях обращение к российскому Президенту было вынесено на обсуждение Совета безопасности РФ и руководителей партийных парламентских фракций?

Представляется, данные вопросы выглядят наивно. Они у чиновников вызовут снисходительную улыбку. Их можно было бы вообще не задавать.

Рассказ Ковалёва о проведении Сталиным объединённого заседания Политбюро ЦК и ГКО приведён мною, чтобы показать, как в экстремальных условиях решались в нашем Отечестве вопросы, от которых зависело само его существование.

Открыв заседание и представив Ковалёва присутствующим, Сталин пересказал в краткой форме содержание его записки. При этом “ни выражением лица, ни словами, ни тоном Сталин не выразил своего отношения к проблеме”.

— У нас имеется предложение ЦУП ВОСО (Ковалёва) о создании Всевластного транспортного комитета при ГКО. Кто за это предложение? Поднимите руки, — обратился он к участникам заседания.

Ковалёв: “Я с поднятой рукой оказался под стальными взглядами членов Политбюро и наркомов в отчаянном положении — в полном одиночестве”.

— Конечно, товарищи, вы правильно поступили, что не поддержали ещё одно надстроечное звено управления, предложенное генералом, — “похвалил” голосовавших Верховный... Подойдя ко мне вплотную, Сталин не торопясь раскурил трубку и обратился к присутствующим:

— Речь в записке товарища Ковалёва идёт не о лишнем управленческом звене. Речь о слабом звене, каким оказался сегодня наш транспорт. Он неуправляем. Его неуправляемость грозит нам поражением в войне и может привести к потере советской власти. Вот о чём наш сегодняшний разговор. Товарищ Ковалёв требует “создать Всевластный Комитет”. Как это понимать? А так, что орган этот должен иметь не только исполнительное содержание, но и законодательное...

— Предлагаю создать Комитет и избрать его Председателем товарища... — и, выдержав паузу, он почти шёпотом произнёс — ...Сталина. Прошу голосовать!

Я был потрясён. Верховный, в отличие от участников заседания, а это были опытные люди, схватил самую суть моей докладной. Произнесённое тихим голосом предложение своей неожиданностью оглушило меня. Все проголосовали “за”.

Во вновь созданный Комитет вошли члены Политбюро и руководители заинтересованных ведомств.

— Чтобы некоторые не подумали, что Комитет будет работать по инструкциям, заседать по планам и графикам, предлагаю выделить в нём оперативную тройку: Андреева, Микояна, Ковалёва (ЦУП ВОСО). Тройка должна собираться по необходимости, днём или ночью. Андрееву, Микояну и Ковалёву Ставка предоставляет право вызывать любое, независимо от должностного положения, лицо, любого члена Всевластного комитета, любого наркома и принимать решения по транспортным проблемам, — распорядился вновь избранный Председатель. — В случае разногласий — незамедлительно ко мне.

Функции штаба (рабочего органа) Транспортного комитета Ставка возложила на Управление военных сообщений, начальником которого был И. В. Ковалёв. По своим правам он оказался “**в фуражке Верховного**”. Созданный по инициативе Ковалёва Всевластный комитет в короткие сроки навёл порядок на транспорте, обеспечив всем необходимым проведение победных операций в ходе Сталинградской и Курской битв, и просуществовал до конца войны.

“В дальнейшем, интересуясь работой транспорта, глава ГКО обсуждал возникающие транспортные проблемы с тройкой. Как правило, звонил непосредственно ему (Ковалёву). Обходился без сборищ (как это практикуется сейчас. — Авт.), считая, что они бесполезны. Никогда не выступал первым на проводимых им служебных заседаниях, чтобы не навязывать присутствующим своего мнения. Он больше слушал, задавая вопросы, но терпел неконкретных ответов, многословия и, выслушав всех, принимал решение” (Г. А. Куманёв. Трудный путь к победе 1941–1945 г<одов>. М., 1995).

* * *

Положительный опыт работы Всевластного комитета, как было сказано ранее, был использован впоследствии при решении сложных проблем. Подтверждением тому является создание 20 августа 1945 года Специального комитета при ГКО для решения задач, связанных с использованием атомной энергии.

В 1987 году присутствуя на заседании Научно-технического совета Военно-промышленной комиссии (НТС ВПК), которое вёл академик А. Н. Щукин, я оказался очевидцем поучительного примера из области атомного проекта. На НТС ВПК рассматривался вопрос о создании специальных защитных покрытий, способных снижать радиолокационную заметность образцов вооружения. На заседании присутствовали академик Анатолий Петрович Александров и академик Юлий Борисович Харитон.

В перерыве один из членов НТС – Б. А. Киясов, – воспользовавшись неформальной обстановкой, обратился к Юлию Борисовичу с вопросом, не касающимся обсуждаемой тематики, – о роли Курчатова в атомном проекте как учёного. Ответ отца атомной бомбы до сих пор остался в моей памяти. Его суть уложилась в одну фразу: “Курчатов был всесторонне образованным учёным крупного масштаба, однако сам он скромно оценивал свою роль. Главной своей заслугой Курчатов считал, что ему удалось поставить работы по атомному проекту под личный контроль Сталина”.

Распоряжение ГКО о возобновлении в стране работ по урану Сталин подписал в сентябре 1942 года. Распоряжение вступило в силу, когда на фронтах стратегическая инициатива была у Гитлера. Оно стало ответом Верховного на обращение из армии (декабрь 1941 года) молодого физика Г. Н. Флёрова, работавшего ранее в лаборатории ядерной физики И. В. Курчатова.

В соответствии с распоряжением ГКО от 28 сентября 1942 года руководством АН СССР была создана в Москве Лаборатория № 2 АН СССР. Во главе Лаборатории был поставлен И. В. Курчатов.

После атомной бомбардировки американцами Японии в августе 1945 года Сталин сразу подписал несколько важнейших документов, превративших советский атомный проект в государственную программу № 1.

Не могу удержаться от аналогии. Почему бы в наше время уважаемому заместителю по модернизации российской экономики В. Ю. Суркову, вместо того чтобы через газету “Ведомости” “плакаться” об отсутствии спроса в России на новые технологии, не обратиться напрямую к В. В. Путину, потребовав специального правительственного внимания к электронике?

Работам по “атомному проекту” был придан необычайный размах. В течение одного только года Сталин лично подписал более 60 важнейших документов по вопросам развития атомной тематики.

Для практического осуществления мероприятий, связанных с атомным проектом, Сталиным при ГКО был образован с особыми полномочиями Специальный комитет (20.08.1945) во главе с Л. П. Берия.

Для США это стало шоком: американцы считали, что за время войны советская наука и промышленность скатились “в век кирки и мотыги” (Хогертон Дж. Ф. и др. “Когда Россия будет иметь атомную бомбу?” Иностранная литература. 1948).

Этот опыт организации работ, исключаящий бумажно-бюрократическую волокиту и пустую болтовню, опыт подготовки кадров, развития фундаментальной и прикладной науки для решения крупных научных и народнохозяйственных проблем бесценен. Его надо использовать. Подобная схема может быть использована в ходе модернизации экономики России.

* * *

К сожалению, многострадальный опыт нашего Отечества не только не изучается, но целиком охаивается. И кем? Самовлюбленными баловнями, выращенными, как правило, в элитарных семьях. В марте с. г. по ТВ был пока-

зан фильм Млечина. По словам автора, в СССР "...в страхе перед программой звездных войн" была развязана небывалая гонка вооружений, мобилизовавшая "все экономические возможности советского государства...".

"Чем больше министр обороны Дмитрий Устинов вооружал страну, — утверждает "знаток военного дела" Млечин, — тем в меньшей безопасности ощущали себя советские люди".

В обоснование этого утверждения в фильме не приведено ни одного факта. А они говорят о следующем. Устинов, ещё работая секретарём ЦК КПСС, был одним из первых инициаторов сокращения стратегических вооружений и активным участником подготовки переговоров в Хельсинки (1969), а также Договоров ОСВ-1 (1972) и ОСВ-2 (1979).

Таковы факты. В ответ на программу СОИ все работы в СССР ограничились исследованиями, никакие опытно-конструкторские работы не проводились. Это вымысел большого воображения либерального дилетанта.

В советское время Леонид Млечин бдительно оберегал коммунистические догмы и всецело поддерживал политику партии и правительства. Так, в статье, опубликованной в журнале "Новое время" (№ 26, 1987), он беспощадно клеймил американского президента Трумэна. Его, а вовсе не Дмитрия Фёдоровича Устинова, он называл инициатором ядерной гонки.

"Пафосного публициста" можно понять: если бы в СССР в 1949 году не было создано атомное оружие, а в 1953-м Советский Союз не рванул бы водородную бомбу, то могло случиться самое страшное: *Лёня Млечин МОГ БЫ ДАЖЕ НЕ РОДИТЬСЯ!*.. Благодаря тому же Устинову, своевременно организовавшему разработку советских стратегических вооружений, американцы сели за стол переговоров с "ненавистным Млечину" СССР.

Как и следовало ожидать, ничего не создавший за всю свою сознательную жизнь специалист "по всем вопросам" попал в очередной раз впросак.

Я участвовал в подготовке документов для заседаний Военно-технического совета Минобороны, многое видел своими глазами. То, что Устинов занимался армией, вооружением её, снабжением, отдавал ей много времени и сил, придавал ей должное значение, готовил страну к обороне в трудных условиях, являлось для всех нас несомненным. Другое дело, что не всё было в его силах — он был пленником не им созданной системы.

В Минобороны он пришёл в 1976 году. В тот период на развитие оборонной промышленности большое влияние оказывали региональные партийные руководители. В Ленинграде — член Политбюро ЦК Романов, в Харькове — член Политбюро ЦК Щербицкий. Они имели возможность, минуя Устинова, выходить непосредственно на Генсека — Брежнева.

Например, в части танков. Когда Дмитрий Фёдорович возглавил Минобороны, промышленность разрабатывала сразу три средних танка — в Ленинграде, в Харькове и на востоке. Первыми двумя занимались члены Политбюро (Щербицкий и Романов). Устинов курировал предприятия, располагавшиеся в Челябинске и Нижнем Тагиле. Его попытки унифицировать эти разработки не удалась — силы были неравны.

В конце 1960-х годов, ещё работая секретарём ЦК, Устинов попытался сократить номенклатуру стратегических ракет: дать "зелёный свет" ракете конструктора М.К. Янгеля, прекратив конкурирующую разработку Челомея (мне рассказал об этом лично Челомей при посещении его КБ). Спор был вынесен в Крым — на Совет обороны, к отдыхающему в Ялте Брежневу. Леонид Ильич не поддержал предложение Устинова. Были приняты на вооружение обе баллистические ракеты с близкими техническими данными.

Несколько ранее проходили споры по зенитной системе С-300. У американцев система "Пэтриот" одна. У нас — две "трёхсотки" (С-300В и С-300П). Общее у них — только название.

Тем не менее, Устинов делал всё, что мог, всё, что было практически возможно. К этому кругу "хорошего", связанного непосредственно с нашей жизнью, относилось повышение роли учёных и инженеров в принятии государственных решений.

Впервые автор этих записок был приглашён на совещание к Дмитрию Фёдоровичу Устинову в 1979 году. Любая встреча с такой личностью – уже событие. Участие в подготовке проводимого им совещания – событие вдвойне. И не только для его организаторов. Надеюсь, рассказ о стиле работы этого человека будет интересен сегодняшним читателям, поможет им ощутить меру ответственности, уровень требований, предъявлявшихся ко всем государственным деятелям, занимавшим высокие посты в СССР.

Существует устойчивое убеждение, что раньше – в тоталитарном СССР – все решения навязывались сверху путём жёсткого диктата. Это, мягко выражаясь, неправда. Совещание у Д. М. Устинова – только один из примеров того, как решались им вопросы государственной важности.

Тема совещания касалась ответных мер ВС СССР на развёртывание США низковысотных (100–300 м) стратегических крылатых ракет (далее СКР). Разногласия между начальником Вооружения Алексеевым, которого поддержал главком ВВС Кутахов, и главкомом войсками ПВО Колдуновым возникли в ходе подготовки Военно-технического совета Министерства обороны (далее ВТС МО) “О первоочередных мерах по противодействию американским СКР”.

Тысячекилометровый полёт через всю страну на высоте 100–150 м немецкого лётчика Руста, который был имитацией полёта СКР, и приземление его на Красной площади подтвердили важность этой проблемы. Случись подобная провокация против США или ФРГ, трудно предсказать реакцию их руководителей. Решением Верховного главнокомандующего маршал авиации А. И. Колдунов в 1987 году был освобожден от должности главкома войсками ПВО страны.

Опыт локальных конфликтов (Югославия, Ирак) показывает, что ПВО в одиночестве не способна противостоять этой угрозе.

Однако в конце 1970-х годов Александр Иванович Колдунов, желая получить многомиллионные ассигнования, занял сугубо ведомственную позицию. Для её обоснования он привлёк материалы, подготовленные подчинённым ему НИИ ПВО.

В то время, думаю, и сегодня тоже, когда встаёт вопрос о разработке той или иной системы, оказывается, что у каждой заинтересованной стороны – свои покровители, через которых они “проталкивают” своё детище. А. И. Колдунова поддерживали два главных конструктора – академик Б. Ф. Бункин и академик П. Д. Грушин, – а также заместитель председателя Военно-промышленной Комиссии (ВПК) В. А. Букатов.

Конструктор Грушин был членом ЦК КПСС и пользовался огромным авторитетом. Это его ракетой был сбит самолёт-разведчик США, пилотируемый Пауэрсом. Получив его поддержку, Колдунов обратился к министру обороны. В его докладе, среди прочего, говорилось об имеющей место “антигосударственной” практике подготовки вопросов, выносимых на заседания ВТС МО (далее Совета), что создаёт опасность, “... угрожающую обороноспособности страны”.

Это заявление, изложенное в официальном докладе, поддержанное двумя академиками, по существу, было прямым шантажом, в том числе шантажом лично Устинова, на который, к его чести, министр обороны не поддался.

В этих условиях мне было поручено согласовать проект решения ВТС МО с Генштабом (Н. В. Огарковым), видами Вооруженных сил, ВПК и оборонным отделом ЦК КПСС.

Документы по этому вопросу мною были переданы в ВПК и на Старую площадь – в оборонный отдел ЦК, Н. Н. Дитину, который по “кремлёвке” доложил суть вопроса Устинову. Министр обороны дал согласие обсудить проект решения ВТС МО у него на совещании.

Подготовка совещания была взята под особый контроль. Мною была представлена выполненная в виде таблицы подробнейшая справка. Против каждого довода ПВО был дан согласованный с промышленностью обстоятельно аргументированный ответ (с прилагаемыми к справке расчётами). Кроме того, в качестве оппонентов Б. В. Бункина и П. Д. Грушина на совещание бы-

ли приглашены А. Д. Надирадзе – конструктор баллистических ракет, преодолевающих оборону подобных зенитных ракетных комплексов, – и В. П. Ефремов – конструктор системы С-300В, обладающей более мощной боевой частью ракеты, чем БЧ ракеты С-300П.

Их участие в совещании, а также сама организация подобных мероприятий у Устинова исключали возможность любой подтасовки.

Совещание проводилось осенью 1979 года в зале Коллегии министерства. Среди его участников были председатель ВПК Л. В. Смирнов, зав. Отделами ЦК И. Д. Сербин и Н. И. Савинкин, члены Коллегии Минобороны, а также министры оборонных отраслей промышленности. Устинов открыл заседание с ходу, без объявления повестки дня. Я вёл запись всех выступлений. Привожу их подробно, чтобы передать психологический накал, за которым стояла чёткая, присущая Устинову логика подхода к обсуждаемым с его участием вопросам.

“Я как член Политбюро отвечаю не только за оборону, но и за ХЛЕБ”, – заявил Дмитрий Фёдорович. И продолжил: “Смотрите, что происходит. Денег мало, но мы делаем одновременно три средних танка. Один – в Ленинграде, его курирует член Политбюро Романов; второй – на Украине, им занимается товарищ Щербицкий; а я, выходит, создаю свой – в Сибири. Если отойти на 100 метров, танкист их не различит. Но траки, катки, торсионы – разные. Как эксплуатировать? Кто за это несёт ответственность?”

“Я дал указание разработать единый для войск и флота простой бинокль – лазерный дальномер. Хотел сократить номенклатуру. Как выполняется мое указание? Оно не выполнено”.

– Сергей Георгиевич, – обратился Устинов к главному ВМФ Горшкову, – это правда, что вы разработали дальномер только для ВМФ и приняли его на вооружение?

С. Г. Горшков:

– Товарищ министр! Мы приняли не на вооружение, а на снабжение. Нам дано право принимать образцы на снабжение, если их стоимость менее ста тысяч.

– Вот видите! Перейдём к ПВО, – обратился к присутствующим Устинов. – Давайте послушаем товарища Колдунова.

Маршал Колдунов волновался. Обратившись к плакатам, он начал доклад с тактики применения крылатых ракет и исходящей от них угрозы.

– Александр Иванович, – перебил его любивший краткость Д. Ф. Устинов, – что такое крылатые ракеты, мы знаем не хуже вас. Докладывайте по существу. Вы представляете, в какую стоимость выльются ваши предложения?

А. И. Колдунов:

– Если мы проведём работы по увеличению дальности ракет системы “С-300П”, оборона Москвы будет стоить в два раза дешевле.

– Товарищ Колдунов, – подойдя вплотную к трибуне, за которой стоял боевой лётчик, и глядя на золотые звёзды на его груди, обратился к маршалу Устинов, – вот если бы вы рассказали нам, как надо летать, мы бы слушали вас, открыв рот. Но что вы понимаете в стоимости, откуда вы знаете, что в два раза дешевле? Кто вам это сказал?

– Академик Бункин, – ответил Колдунов.

Это заявление буквально взорвало Дмитрия Фёдоровича. Академик Бункин был специалистом по наземным радиолокационным средствам системы. Свободно ориентируясь в вопросах вооружения, министр обороны усомнился в расчётах конструктора. Далее последовал диалог, ничего хорошего не предвещавший для высокопоставленного военачальника и его консультанта.

– Борис, ты здесь? – неожиданно по имени обратился к Бункину Устинов.

– Здесь, Дмитрий Фёдорович.

– Это действительно так? Ты что считал?

– Да, я считал стоимость ракет по условным ценам, на третий год производства.

– Но почему ты проводишь расчёты стоимости ракет? Ведь ты их не разрабатываешь.

– Казаков, – обратился Устинов к министру авиационной промышленно-

сти, — сколько будет стоить вновь созданная зенитная ракета с увеличенной в два раза дальностью через три года НА НОВОЙ элементной базе?

— Дмитрий Фёдорович, в 3,0–3,5 раза дороже, чем старая.

— Александр Иванович, — обратился Устинов к маршалу авиации, — неужели вы пришли на совещание, чтобы узнать это от Казакова. Не могли ему позвонить?

Встав из-за стола, Дмитрий Фёдорович подошёл вплотную к Бункину.

— Вы, что, не знаете, — продолжал министр обороны, обращаясь к Борису Васильевичу и остальным присутствующим, — чтобы задать вопрос, нужно владеть предметом хотя бы наполовину. Чтобы ответить — на 100 процентов. Но важно знать ещё одну премудрость: кому задать вопрос! Товарищ Колдунов, кто вам готовил доклад?

— Наш институт. Профессор, генерал Ю. И. Любимов.

— Он здесь?

— Да.

— Прошу вас, товарищ Любимов, доложите ваше мнение, только по совести. Дайте сравнительную оценку зенитным ракетным системам (ЗРС) главного конструктора Б. В. Бункина и главного конструктора В. П. Ефремова.

Дальше произошёл скандал. Отвечая на вопрос министра, Любимов обратился к плакату, на котором были приведены сравнительные характеристики этих систем. На плакате технические характеристики обеих систем были одинаковы. Как только Любимов их озвучил, раздался возглас:

— Неправда! Это обман! — кричал Ефремов.

Дело в том, что ЗРС Ефремова имела лучшие характеристики, чем у Бункина (за счёт большей скорости полёта и более совершенного боевого снаряжения). Вениамин Павлович вышел к плакату и доложил суть отличия конструкции его системы от системы Бункина. Устинов был взбешён.

— Я же просил, товарищ Любимов, докладывать по совести. Комиссию! Создать комиссию! — потребовал он. И, обратившись к Алексееву, прервал совещание. — Разберитесь в этом вопросе, результаты проверки доложите мне лично, после чего продолжим обсуждение, — были его последние слова.

В соответствии с указанием Устинова я вместе с двумя математиками из НИИ Генштаба на следующий день выехал в Калинин — в НИИ ПВО. В ходе проверки модели обнаружили, что расчёты зоны поражения и боевой эффективности системы С-300П были некорректны. Оказалось, что в расчёты были заложены высоты полёта крылатых ракет в три раза большие, чем высоты их реального боевого применения (соответственно 800–900 м, против 100–300). Эта “неточность” являлась сознательным обманом. Она упрощала обнаружение низковысотных крылатых ракет (увеличивала в разы зону поражения системы по СКР).

Д. Ф. Устинов, ознакомившись с актом проверки, принял решение собраться у него в том же составе.

Вторая часть совещания состоялась спустя неделю и завершилась неожиданно быстро. Прочитав проект приказа о результатах проверки, Устинов предоставил слово начальнику Института генерал-лейтенанту Королёву. Бывший командарм растерялся. Он попал в безвыходное положение.

Технико-экономические данные, на которых базировался расчёт, подготовленные его институтом, были опровергнуты на предыдущем заседании в Минобороны в присутствии министров оборонной промышленности, главных конструкторов и главкомов видов ВС.

В части стоимости ракет — министром авиационной промышленности Казаковым, в части боевой эффективности — главным конструктором Ефремовым и результатами проверки назначенной Д. Ф. Устиновым комиссии.

— О чём докладывать, товарищ Маршал Советского Союза? — выйдя к трибуне, спросил Б. А. Королёв.

— Вопрос странный, — последовал ответ, — докладывайте, о чём хотите, только не о железной дороге, конечно.

— Разрешите, я остановлюсь на частных вопросах.

— О гайках не нужно. Докладывайте комплексно.

После этих слов начальник Института потерял сознание. Из зала ему по-

могли выйти помощник министра обороны генерал И. В. Илларионов и главный маршал артиллерии В. Ф. Толубко. Устинова случившееся поразило.

– Разве я был груб? – вырвалось у него.

Предложения, продиктованные ведомственной корыстью, поддержки не получили. Совещание рекомендовало сосредоточиться на выполнении конструкторской разработки по созданию советских крылатых ракет авиационного, наземного и морского базирования и на совершенствовании СПРН (системы предупреждения о ракетном нападении).

По результатам проверки НИИ ПВО Ю. И. Любимов с председателем НТК войск ПВО Г. С. Легасовым получили по выговору. Борис Александрович Королёв попал в госпиталь и был уволен на пенсию.

* * *

Завершая эти записки, хотел бы надеяться, что попытка показать на нескольких примерах, как в самых неблагоприятных для советской страны условиях принимались ключевые решения, не пропадёт даром.

Какой бы мусор ни наносился младореформаторами на советское время, очевидно: только благодаря запасу прочности, накопленному в те годы, постсоветская Россия продолжает (уже более 20 лет) оставаться на плаву и по инерции двигаться вперёд, несмотря на небывалый хаос, коррупцию и некомпетентность держащихся за власть проворовавшихся либералов.